

В. Ф. Ходасевич

"Казачи"

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922--1939. -- М.: Согласие, 1996.

[OCR Бычков М. Н.](#)

В конце 1920 года, в Петербурге, перечитывал я Толстого. Я начал с "Анны Карениной", перешел к "Крейцеровой сонате", потом к "Смерти Ивана Ильича", "Холстомеру", "Хозяину и работнику" и т.д. Словом, читал не в хронологическом порядке, а в случайном, по прихоти. Дойдя до "Казачков", я был немало смущен и даже сконфужен, потому что припомнил, что эту повесть читал только один раз в жизни, когда был в шестом классе гимназии, то есть лет пятнадцати от роду. Воспоминания о ней сохранились у меня самые поверхностные и смутные. Таким образом, выходило, что, в сущности, я не читал ее вовсе. Естественно, моим первым намерением было прочесть ее тотчас же, -- но тут мне пришло в голову, что этим конфузным пробелом можно воспользоваться для некоего эксперимента. Я решил не читать "Казачков" сейчас, а сделать из них для себя нечто вроде литературного заповедника, которого не касаться еще долго, чтобы впервые прочесть через много лет, быть может -- в старости.

Что мне мог дать такой опыт? Я исходил из того положения, что каждое отдельное произведение классика нами невольно воспринимается в общей массе его творчества, вследствие чего отчасти притупляется непосредственность *впечатления*. Вот я и рассчитывал, что чем позже прочту "Казачков", тем большего, может быть, достигну отрыва этой повести от общего своего представления о Толстом -- и, следовательно, получу от нее наиболее непосредственное впечатление при наличии наиболее развитого собственного понимания. Еще я надеялся, что, быть может, на старости лет мне будет легче заметить того ореола, которым в нашем сознании окружены даже и ранние, юношеские писания великих художников, -- и, при некотором самогипнозе, взглянуть на "Казачков" так, как если бы передо мною было произведение молодого, неизвестного автора. Мне любопытно было, сумею ли я различить в нем черты будущего гения. Таким образом, я мечтал подвергнуть испытанию свое беспристрастие и свою проницательность, разумеется -- насколько это окажется возможным.

С тех пор прошло девятнадцать лет. На днях, зимним вечером, очутившись один в деревенском доме, не без волнения взял я с полки "Казачков" и прочитал их не отрываясь. Удался ли мой опыт? И да и нет.

Удался -- потому что я без труда увидел, что повесть писана очень сильной, настойчивой, но еще неопытной рукой. Обнаружились небольшие длинноты и повторения в описаниях казачьего быта. Вся двадцатая глава (блуждания Оленина по лесу, перед тем как он попадает к кордону) оказалась не слишком связана с сюжетом: весьма нужная автору, который в ней выразил сильные и важные для него мысли и чувства, она гораздо менее нужна читателю и, прекрасная сама по себе, вероятно, только выиграла бы, если бы была перенесена в другое произведение. Приведя героя на ночной праздник (гл. XXXV и следующие), автор не очень сумел поместить его в этих массовых сценах. Главное же -- вступительная глава слишком открыто носит характер пролога; глубоко связанная с идеей повести, она не имеет с нею достаточной стилистической связи и потому как бы отваливается. Все кажется, что она приписана позже. Возможно, что оно так и было. Авторский промах тут заключается, конечно, не в том, что писатель, закончив рассказ, вернулся к началу, -- а лишь в том, что он не сумел это скрыть от читателя.

Как уже сказано, я старался, читая, забыть, что передо мною -- Толстой. И, поскольку дело шло о таких вещах, как архитектоника повести, это мне удавалось. Но изъять "Казачков" из историко-литературной перспективы, прочесть ее как современную вещь оказалось невозможно, и вовсе не потому, что ее действие приурочено к сороковым годам прошлого столетия: такое приурочение могло бы встретиться и у современного автора. Перед нами была бы историческая повесть. Но нет, "Казачки" отодвинулись от меня в прошлое по иной причине, и очень скоро: как только я в них увидел прямое стилистическое воздействие лермонтовской прозы и идейную перекличку с пушкинскими "Цыганами". И то и другое, опять-таки, было бы возможно и у нынешнего писателя, но, разумеется, носило бы характер нарочито избранной позы, сознательного литературного приема, архаизации. В "Казачках" же Пушкин и Лермонтов восприняты с той непосредственностью, которая дается только хронологической близостью к источникам влияния. Передо мной очутился не новый, а очень старый автор, -- с этим сознанием я уже